

Глушковски М. 2013. *Социо- и психолингвистические основы заимствований в русской диалектной лексике старообрядцев, проживающих на территории Польши*, в: О.Н. Крылова (ред.) *Диалектная лексика*. Санкт Петербург: Ин-т лингв. исслед. РАН. Нестор-История, 102-107. ISBN 978-5-4469-0219-4

Михал Анджей Глушковски

Институт славянской филологии Университета Николая Коперника,
Польша, Торунь
gluszkowski@mail.ru

Социо- и психолингвистические основы заимствований в русской диалектной лексике старообрядцев, проживающих на территории Польши.

Теория языковых контактов У. Вайнрайха лежит в основе главной предпосылки наших рассуждений. Американский лингвист под интерференцией понимал отклонения от норм любого из языков, находящихся в контакте, возникшие как эффект совместного влияния структурных (языковых) и неструктурных (социологических и психологических) факторов [Вайнрайх 2000: 22–26]. Структурные факторы составляют основной базис для явления интерференции, неструктурные же усиливают или уменьшают их влияние. Эта схема относится к заимствованиям, как к одному из типов интерференции.

Анализируя процесс заимствования и его мотивировки, надо обратить внимание на социально-историческую характеристику исследуемой нами общины. На территории, находящейся в пределах современной Польши, старообрядцы появились в конце XVIII в. Они до сих пор проживают в двух регионах более или менее компактного проживания: сувальско-августовком и мазурском. Оба региона находятся в

северо-восточной части страны, но их исторические судьбы – разные, так как до 1945 г. они находились на территории разных государств: мазурский регион был частью Прусского государства, а потом Германии, сувальско-августовский же принадлежал Российской империи, а после 1918 г. вошёл в состав II Речи Посполитой. В обоих случаях старообрядческие местности находились в окружении польского этноса, что составляло базис для развития русско-польского двуязычия, а в мазурском регионе, из-за контактов с немецкоязычным населением и администрацией – русско-польско-немецкого многоязычия¹. Поскольку в начале XXI века в мазурском регионе остались лишь немногие староверские семьи (не больше 50 чел.), исследования группы русистов Университета им. Николая Коперника в Торунь касаются прежде всего старообрядцев сувальско-августовского региона, численность которого тоже постоянно уменьшается, но проживающие в нем старообрядцы еще составляют относительно большую группу (ок. 800 чел.). Важнейшей особенностью социолингвистической ситуации исследуемой общины является её двуязычие. Долгое время группа находилась в близком соседстве с русским этносом и в административных пределах России (с 1815 по 1918 гг.), вследствие чего сохраняла связь с русским языковым материком. Поскольку языком администрации, школы или армии был русский, старообрядцы с польским языком встречались только в общении с польским населением соседних местностей. Поэтому община старообрядцев сувальско-августовского региона, по всей вероятности, не сразу стала полностью двуязычной [Гжибовский, Глушковский 2008: 204–205]. Массовый билингвизм у польских староверов стал образоваться в 1920 и 1930 гг. С тех пор началось серьёзное влияние польского языка на их говор. Сначала общение с польскоязычным окружением не было

¹ Надо упомянуть, что в обоих регионах, кроме языков повседневного общения, старообрядцы пользуются также церковнославянским языком, который исполняет функцию литургического языка.

интенсивным и ограничивалось временем учёбы в начальной школе (в зависимости от условий: 4 до 7 лет) и редкими контактами с администрацией, но в послевоенное время роль образовательной системы и СМИ значительно усилилась. Сохранение прежней изоляции от внешнего мира оказалось невозможным. Появились также различия в стиле жизни и языке очередных поколений. Если жизнь старообрядцев рождённых в первой половине XX в. проходила в основном в пределах родной деревни, у их детей и внуков это было уже невозможно. Усиленные контакты с польским окружением привели к разрушению равновесия в использовании польского языка и русского диалекта в рамках диглоссии. Выбор польского языка или русского диалекта зависит не только от сферы жизни, но также от престижности языка, поколения, к которому принадлежат адресант и адресат, социальных условий речевого акта, напр. присутствия людей, не принадлежащих к общине [Głuszkowski 2009: 122–123].

Анализируемый нами языковой материал (более 300 часов магнитофонных и цифровых записей) был собран во время 12 научных экспедиций в 1999-2011 гг. Основная его часть происходит из д. Габовы-Гронды и Бур, находящихся в 11 км к югу от города Августов. Специфика этих деревень заключается в их этнической гомогенности – они практически полностью заселены старообрядцами, благодаря чему русский говор постоянно играет важную роль как средство общения. Для процесса заимствования очень важным является факт, что в настоящее время старообрядцы в Польше формируют языковой остров. Они, отделенные от своего «языкового материка», с одной стороны сохраняют язык предков, с другой – заимствуют языковые единицы у окружения [Ср. Grek-Pabisowa 1999: 69-70; Дуличенко 1998: 26]. Употребляя традиционный диалект в повседневном общении, староверы часто нуждаются в польской лексике – прежде всего связанной с современной действительностью, техникой,

образованием, политикой и другими сферами, в которых произошли серьезные изменения с момента их миграции на польские земли. Итак, напр. *клуб сделали чинем сполечным* ‘в порядке общественного почина’, *а кто приходит? тылько демолуют* ‘только разрушают’; *был на зволнению хоробовым* ‘он получил бюллетень’; *звонили мы каретку* ‘скорую помощь’ *с комурки* ‘с мобилки’; *пошел в завадуфку* ‘ПТУ’; *газету без акулярыв* ‘очков’ *читал; мы разговаривали пшерва чи что* ‘на перемене или что’, *то по-своему; там кареспандую* ‘переписываюсь’ *с одним товарищем.*

В сферах, традиционно обслуживаемых польским языком (образование, техника, администрация) процесс лексического заимствования развивается намного быстрее, чем в сферах типичных для старообрядческого говора (семья, соседские группы, фольклор). В зарегистрированном нами материале можно найти много примеров высказываний на темы, связанные с историей общины, особенно у представителей старшего поколения, в которых встречаются лишь немногие заимствования из польского языка.

В языке польских староверов для явления интерференции решающим является влияние неструктурных, социо- и психолингвистических факторов. Двуязычные индивиды с сильным сознанием групповой идентичности чаще употребляют сложные языковые конструкции, вследствие чего в их речи преобладают адаптированные заимствования, вместо польских вставок (неадаптированных заимствований), часто встречаемых у информантов менее тесно связанных со своей общиной.

Например, в высказываниях: *посидишь троху дома, пойдешь в склеп prywatный* ‘частный магазин’; *на кретку* ‘на карандаш, т.е. в кредит’ *не хочут давать; взяли меня на дазорцу* ‘сторожа’, *стружжавал* ‘сторожил’ – польская лексика подвергается фонетической и морфологической ассимиляции: польские фонемы заменяются их русскими, диалектными эквивалентами, а слова склоняются по диалектных парадигмах. Сам

процесс заимствования в условиях языкового острова – неизбежен, но факт адаптации иноязычных слов зависит от отношения представителей общины к их традиционному языку. В случае нехватки диалектной лексики польские старообрядцы нуждаются в польском языке, но если данный индивид относится с уважением к языку предков, он будет стараться не переключать код высказывания, т.е. ассимилировать новое слово. Информанты, для которых старообрядческий диалект не представляет особой ценности, в таких же ситуациях переходят на польский язык. В их речи появляются вставки или они переходят на польский язык, напр. *всего слухаю и до жадней ‘никакой’ музыки не маю жадных ушмедзень ‘предрасудков’; приезжают с Сувалек так власьне старообжендовцы ‘именно старообрядцы’; в тыгодню ‘в будни’; с коллегами *споткачь ще* ‘встретиться’, *тего* ‘того’, *поговорить*; *но, теперь не за бардзо* ‘не очень’, *только в викенды власьне* ‘именно по уик-эндам’.*

Итак, структурные причины употребления иноязычной лексики в обоих случаях одинаковы – недостаточные лексические ресурсы говора. Однако, из-за влияния неструктурного фактора, т.е. языковой лояльности – обусловленной социо- и психолингвистической характеристикой данного информанта, они приводят к разным языковым явлениям: ассимиляции заимствований, с одной стороны, и употреблению неадаптированных польских слов вплоть до изменения кода высказывания с другой.

Наблюдаются серьезные различия в языке отдельных поколений исследуемой нами группы – в младшем поколении количество и удельный вес заимствований значительно выше, чем у самых пожилых членов общины. В общине польских старообрядцев появилась серьезная угроза языкового сдвига и полного исчезновения традиционного диалекта (*language death*). Дж. Холдемэн, который исследует языковую ситуацию старообрядцев в Пеннсилвании, на основании социолингвистической

литературы выделил основные признаки отмирания языка [Holdeman 2002: 14–15]. Исследования говора польских старообрядцев сувальского и августовского региона показывают, что большинство из перечисленных Холдemanом симптомов уже появились, но не все выступают в равной степени у всех членов общины. Однако, чрезмерное количество заимствований несомненно является всеобщим фактом в языке молодого поколения. Также другие признаки отмирания языка наблюдаются чаще у молодых староверов, вследствие чего в ближайшие 2-3 десятилетия можно ожидать полного языкового сдвига в исследуемой нами общине и исчезновения говора польских старообрядцев.

Литература

Вайнрайх У. Языковые контакты. Благовещенск, 2000.

Гжибовский Ст., Глушковский М. Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов, Л. Л. Касаткин (ред.) М., 2008. С. 200–214.

Дуличенко А. Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания // Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita L. Tolstói. Slavica Tartuensia IV. Тарту, 1998. С. 26–36.

Głuszkowski M. Dyglosja w społeczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego // Socjolingwistyka 22–23, 2009. С. 115-131.

Грек-Пабисова I. Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym // Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa, 1999 (1984). С. 69–79.

Holdeman J. Language Maintenance and Language Shift Among the Russian Old Believers of Erie, Pennsylvania (Непубликованная кандидатская диссертация), Columbus, 2002.